

Но всего интереснѣе бываетъ охота за описываемыми птицами, если подкарауливать ихъ на мѣстѣ ночлега. Правда, приходится, какъ напр. въ Тибетѣ, сидѣть нерѣдко на высотѣ, превосходящейъ вершину Монблана, на сильномъ морозѣ, иногда еще съ вѣтромъ, за то интересъ вѣрной добычи искупаетъ всѣ эти невзгоды.

Мѣстомъ своего ночлега уллары выбираютъ, обыкновенно, одинокія скалы на высокихъ, трудно доступныхъ горныхъ вершинахъ. Подъ этими скалами, на землѣ, въ защитѣ отъ вѣтра, залегаютъ на ночь плотною кучею. Подобные излюбленные уголки служатъ для ночевокъ описываемыхъ птицъ много лѣтъ сряду, судя по обилію помета, котораго иногда можно собрать нѣсколько десятковъ возовъ. Непуганные уллары прилетаютъ на ночлегъ тотчасъ по закатѣ солнца; но тамъ, гдѣ эти птицы испытали преслѣдованіе человѣка, онѣ являются только въ позднія сумерки къ мѣсту своей ночевки. Тутъ то и караулить охотникъ. Забраться въ засадку слѣдуетъ раньше солнечнаго заката и хорошенько спрятаться; не худо также одѣться потеплѣе.

Сидишь бывало въ такой засадкѣ и съ нетерпѣніемъ смотришь на солнце, которое какъ то лѣниво прячется на западѣ горизонта. Нижнія долины уже въ тѣни, а между тѣмъ, вершины горъ все еще освѣщены. Наконецъ солнце заходитъ и зимняя багровая заря разливается на мѣстѣ заката. Нетерпѣніе и охотничья ажитация увеличиваются—прислушиваешься къ каждому звуку, къ каждому шороху... Вотъ стадо клушицъ усѣлось почевать на ближайшей скалѣ; вотъ соколь-пустельга прилетѣлъ туда же; но улларовъ все еще нѣтъ. Наконецъ раздается вдали знакомый крикъ желанныхъ птицъ и большое ихъ стадо, обогнувъ дальнія скалы, быстро несется вверхъ, затѣмъ опускается за двѣ-три сотни шаговъ отъ мѣста ночлега. Усѣвшись на землю, уллары тотчасъ же бѣгутъ къ своему знакомому уютному уголку. Еще нѣсколько мгновений—и все стадо длинною вереницею подбѣгаетъ къ охотнику въ мѣру близкаго выстрѣла. Желанная минута! Въ темнотѣ сумерекъ блеснуть разъ за разомъ два огонька и загремитъ по ущельямъ эхо двухъ выстрѣловъ. Уллары поражены неожиданностію... однако, не желая разстаться съ ночлегомъ, не улетаютъ, но лишь отбѣгаютъ въ сторону. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ зарядить свое ружье, не показываясь изъ засадки. Проходитъ минутъ пять-десять и уллары, не замѣчая никого, снова бѣгутъ къ ночевкѣ, иногда только съ противоположной стороны. Теперь уже довольно темно и птицъ издали не видно, слышенъ лишь голосъ вожака. Съ замирающимъ сердцемъ всматриваешься въ темноту и, наконецъ, различаешь близко бѣгущее